

МИФОПОЭТИКА ХРОНОТОПА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И РУССКОЙ ПРОЗЕ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Тамилла Алиева

Университет Докуз Эйлул, Измир, Турция

e-mail: aliyeva.toma@yahoo.com

Резюме. В статье анализируются вопросы мифопоэтики хронотопа в русской и азербайджанской прозе середины XX века. Анализируются поэтические и функциональные аспекты художественного времени и пространства в творчестве поколения шестидесятников, появившихся в азербайджанской и русской литературе в середине прошлого века. Выявляются общие моменты в русской и азербайджанской прозе. Дана характеристика художественного времени и пространства, взаимосвязь с содержанием, героями, поэтикой в произведениях таких писателей как Анар, С.Ахмедов, Ю.Самедоглу, М. Сулейманлы, И. Маликзаде, В. Шукшина, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, Ю. Трифонова и др. На основе литературного процесса того периода раскрывается и интерпретируется типология художественного мифологизма времени и пространства в азербайджанской и русской прозе.

Ключевые слова: мифопоэтика, азербайджанская литература, русская литература, проза, литература XX века, хронотоп, художественное пространство, художественное время.

XX ƏSRİN İKİNCİ YARISI AZƏRBAYCAN VƏ RUS NƏSRİNDƏ XRONOTOPUN MİFOPOETİKASI

Tamilla Əliyeva

Doqquz Eylul Universiteti, Izmir, Turkiyə

Xülasə. Məqalədə XX əsrin ortaları rus və Azərbaycan nəsrində xronotopun mifopoetikası məsələləri təhlil olunur. Azərbaycan və rus ədəbiyyatında keçən əsrin ortalarında meydana çıxmış altmışıncılar nəslinin yaradıcılığında bədii zaman və məkanın poetik, funksional aspektləri təhlil edilir. Rus və Azərbaycan nəsrində ortaq və ümumi cəhətlər aşkar edilir. Anar, S. Əhmədov, Y. Səmədoğlu, M. Süleymanlı, İ. Məlikzadə, V. Şukşin, V. Astafyev, V. Belov, V. Rasputin, Y. Trifonov və başqalarının yaradıcılığında bədii zaman və məkanın səciyyəsi, əsərin məzmununu, qəhrəmanları, poetikası ilə əlaqəsi təhlil edilir. Həmin dövr ədəbi prosesi əsasında Azərbaycan və rus nəsrində bədii zaman və məkan mifologizminin tipologiyası aşkarlanıb şərh edilir. **Açar sözlər:** mifopoetika, Azərbaycan ədəbiyyatı, rus ədəbiyyatı, nəsr, XX əsr ədəbiyyatı, xronotop, bədii məkan, bədii zaman.

MYTHOPOETICS OF THE CHRONOTOPE IN AZERBAIJANI AND RUSSIAN PROSE OF THE XX CENTURY

Tamilla Aliyeva

Dokuz Eylul University, Izmir, Turkey

Abstract. The article analyzes the issues of the mythopoetics of the chronotope in Russian and Azerbaijani prose of the mid-twentieth century. The poetic and functional aspects of artistic time and space in the works of the generation of the sixties, which appeared in Azerbaijani and Russian literature in the middle of the last century, are analyzed. Common and general moments in Russian and Azerbaijani prose are revealed. The characteristics of artistic time and space, the relationship with the content, characters, poetics in the works of such writers as Anar, S. Ahmedov, Y. Samadoglu, M. Suleymanly, I. Malikzdy, V. Shukshin, V. Astafiev, V. Belova, V. Rasputina, Y. Trifonova, etc. On the basis of the literary process of that period, the typology of the artistic mythology of time and space in Azerbaijani and Russian prose is revealed and interpreted.

Keywords: mythopoetics, Azerbaijani literature, Russian literature, prose, 20th century literature, chronotope, artistic space, artistic time.

1. Введение

В творчестве шестидесятников мифопоэтическое восприятие окружающей среды, мифологизация пространства и времени являются важными текстообразующими факторами, определяющими не только семантику произведений, но и в целом художественно-эстетическое своеобразие основных литературных течений этого периода – деревенской и городской прозы. В прозе второй половины XX века художественный хронотоп как единый пространственно-временной континуум текста во многом формирует содержание и поэтическую структуру произведений, выступает как сплошная мифологизированная среда, в которой осмысливаются процессы, происходящие в обществе, нравственные ценности и психологические состояния современников. Пространственно-временная структура, хронотоп текста, таким образом, служит, с одной стороны, выражению позиции автора, с другой стороны, воссозданию внешней среды и, наконец, формированию целостной художественной модели мира.

В классических исследованиях хронотопа это понятие обычно связывается с повествованием и представляется как синкретическая среда, в которой действуют персонажи и изображаются их поступки и внутренние поиски, устремления. Поэтому в работах таких известных ученых, как М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Е.М. Мелетинский, Ю.М. Лотман, В.В. Иванов и др., выделяются событийный хронотоп и пространственно-временной ракурс повествования. Такая трактовка художественного пространства и времени литературного текста является совершенно оправданным и всесторонне охватывающим текстовые параметры хронотопа. Однако художественное восприятие и эстетическая концепция времени и пространства в различные периоды истории меняются и приобретают новые своеобразные черты. В рассматриваемый нами период, т.е. в шестидесятые годы, в общественном сознании и художественной литературе происходили кардинальные изменения, обусловленные политической и социальной конъюнктурой эпохи оттепели. В эстетическом сознании происходили противоположные процессы: благодаря мифопоэтическому восприятию сама эпоха шестидесятых годов приобретала знаковый смысл и представители нового, демократического направления стали называться поколением шестидесятников. С другой стороны, творчество этого литературного поколения разделилось по социально-пространственному критерию, т.е. на деревенскую и городскую литературу, преимущественно прозу. Под воздействием этих процессов наряду с отмеченными выше аспектами хронотопа (событийным и повествовательным) актуализировался следующий его параметр-подтекстовый смысл этого понятия, т.е. архетипическая пространственно-временная модель мира, присущая традиционным жанрам и составляющая глубинную семантику текстов.

Таким образом, в прозе шестидесятников поэтическая типология хронотопа складывалась из динамического пересечения следующих семантических уровней

произведений: индивидуальной авторско-повествовательной, исторической-событийной и архетипической подтекстовой смысловых сфер. Первый уровень отражал субъективную точку зрения автора, второй-объективную картину изображаемой среды, третий-мифологизированное восприятие пространства и времени.

В прозе рассматриваемого периода авторская позиция проявляется в конкретной пространственно-временной локализации повествования. Второй аспект определяется историзмом поэтического мышления, внешним эпохально-историческим контекстом. Последний аспект отражает мифопоэтический параметр художественного времени и пространства и, объединив предыдущие параметры, формирует единую синкретическую художественную картину мира, которая в соответствии с мифологическим мировосприятием, заменяет реальную историю и как универсальная система, объединяет в едином континууме прошлое, настоящее и будущее ("Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее" [6, с.186]).

В прозе шестидесятников в эту ситуацию попадают оторвавшиеся от своей среды персонажи Анара, В. Шукшина, С. Ахмедова, И. Меликзаде, Ю. Самедоглу, М. Сулейманлы, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и др. В мифологизированном восприятии их героев время застыло, нет необратимого времени и динамичных пространственных перемещений. Мир заполнен абстрактными предметами, неподвластными истории, и в этой среде бытие лишь меняет свою внешнюю форму, а в своем существе оно вечно, а герои, попавшие в этот вечный круговорот, постепенно отчуждаются не только от среды, но и от себя. Как, например, персонаж повести Анара "Цейтнот", где "плановые", но никогда не удававшиеся встречи героя "с самим собой" раскрывают трагизм отчужденного существования, мозаичного мышления и хаотичного быта.

Этот жесткий хронотоп формируется не желаниями или усилиями персонажей, а не зависящими от них причинно-следственными связями, которые обусловлены иерархическими общественными связями, бездуховными взаимоотношениями людей. Такая отчужденность от времени и пространства становится причиной одиночества героев, которые, покинув родной хронотоп, потеряв нравственную опору, навсегда остаются чуждыми своей среде и чуждыми и неузнанными для общества. В произведениях Анара («Цейтнот», «Круг», "Шестой этаж пятиэтажного дома"), Ю.Самедоглу («День казни»), С.Ахмедова ("След на холме"), В.Шукшина ("Калина красная", цикл чудиков), В.Распутина ("Последний срок", "Живи и помни") и других разрабатываются мотивы ухода, возвращения, узнавания или неузнавания героя. Раскрывается, в первую очередь, морально-этический аспект этих традиционных смыслов. Например, "неузнанными" остаются Лачин ("След на холме" С.Ахмедова), Тахмина ("Шестой этаж пятиэтажного дома" Анара), вернувшиеся после долгого

отсутствия Гадир ("Над Курой в теплых лесах" А.Айлисли), Егора Прокудин ("Калина красная" В.Шукшина), Гуськов ("Живи и помни" В.Распутина).

Однако мотив «неузнаваемости» в городской и деревенской прозе имеет дифференцированные особенности: если мотив ухода деревенской прозе сопряжен с темой потери национального характера, то в городской прозе Анара, Р. Ибрагимбекова, Эльчина, В. Маканина, А. Кима выражается философско-психологический аспект текста, в первую очередь тема отчуждения героя в урбанизированной среде.

В целом, мифологизация художественной картины мира, в первую очередь поэтического пространства и времени, обогащает произведения рассматриваемого периода условно-метафорическими средствами, которые приводят к преобладанию в тексте произведений моделирующей функции, благодаря чему малое художественное пространство произведения приобретает глобальный смысл и воспринимается как символическая модель мироздания, мифического космоса.

Таким образом, дом в «Шестом этаже пятиэтажного дома» и «Контакте» Анара, "Доме на песке» Р.Ибрагимбекова, "Опрокинутом доме" и "Доме на набережной" Ю.Трифонова, "Доме" Ф.Абрамова, школа в «Ночи после выпуска» В.Тендрякова, бакинский двор в «Зеленом театре» С.Ахмедлы, мельница в рассказе «Мельница» М. Сулейманлы, таинственная пещера в «Дне казни» Ю.Самедоглу, соответствующие образы в "Зеленом театре", "Станции переливания крови", "К Азыху" С.Ахмедова, мифологизируются и служат выражению противоречий общества, нравственную деградацию социума, потерявшего в меркантильной среде нравственную опору. В этом контексте предметы, интерьер функционируют как самостоятельные субстанции, выражающие вечные идеи, соотносящие устремления героев с непреходящими ценностями, с заложенными в древних мифах символами.

В этих произведениях хронотоп текста отражает структуру социальной среды, нравы общества, катаклизмы эпохи и трагедию отчужденной от самого себя и от среды личности. Таким образом, раскрывается трагизм оторванности героя от среды, людского сообщества, что завершается его драматической самоизоляцией и в итоге – трагическим распадом личности. Скажем, в повести В.Распутина "Живи и помни" все попытки главного героя Гуськова обрести душевный покой найти себя, свой исчезнувший мир, свое прошлое из-за его атрофированного чувства эгоизма завершаются неудачей: "Все у них теперь шиворот-навыворот: сроду человеку легче было возвращаться по своим следам, чем идти вперед, а у них нет. Попробуй Андрей вернуться туда, откуда он скопил свою жизнь..." [7, с.370].

Так же одиноки герои Анара Неймат, Заур, Тахмина, С. Ахмедова Лачин, Ю. Самедоглу больной, чудики Шукшина, Иван Африканыч В. Белова. Их трагическая оторванность окружения приводит не только к искажению представлений о людском сообществе, но также разрушают привычную картину мира, в воображении героев детали пространства, предметы приобретают не поддающиеся логическому объяснению

очертания, фантазмагорические черты, обусловленные болезненным мировосприятием отчужденной от среды личности. Так происходит в «Контакте» Анара, "Опрокинутом доме" Ю.Трифонова, «Зеленом театре» С.Ахмедлы, «Мельнице» М. Сулейманлы, «Дне казни» Ю. Самедоглу.

Наподобие мифопоэтической пространственной модели космоса, в этих произведениях вертикальная или горизонтальная структуры соответствуют иерархической системе общества, где люди разделены на социальные слои, не имеющие точек соприкосновения. Поэтому выпавшие из этой градации герои, как, например, Заур в романе Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома», находят подлинно человеческое взаимопонимание и любовь в эфемерном, не существующем шестом этаже советской стандартной пятиэтажки. Но очень скоро они вновь возвращаются в свое привычное бытие, в образ жизни обычного обывателя.

Таким образом, дом в "Опрокинутом доме" Ю.Трифонова, школа в «Ночи после выпуска» В.Тендрякова, бакинский двор в «Зеленом театре» С.Ахмедлы, мельница в рассказе «Мельница» М. Сулейманлы, таинственная пещера в «Дне казни» Ю.Самедоглу мифологизируются и служат выражению противоречий общества, потере в меркантильной среде нравственной опоры. В этом контексте предметы, интерьер функционируют как самостоятельные субстанции, выражающие вечные идеи, соотносящие устремления героев с непреходящими ценностями, с заложенными в древних мифах символами.

Особенности мифологической концепции пространства и времени, которая характеризуется конкретностью и определенностью, сохранились в народно-географических представлениях, этнографии и фольклоре и через это были восприняты современными писателями. В картине мира в прозе шестидесятников характеризуется - художественное пространство текста выполняет моделирующую функцию и предстает как модель всего мира, соотносится с мифическим космосом. Скажем, Буранный полустанок в одноименном романе Ч. Айтматова, Бузбулак рассказах А. Айлисли, Матера в "Прощании с Матерой" В.Распутина моделируют социальную структуру общества: "...Бузбулак приобретает особое социально-нравственное содержание, становится поэтическим символом родной земли [2, с.4].

Кроме такой социализации художественного пространства произведения хронотоп в творчестве шестидесятников выражал национальные мифологические и религиозные представления. В творчестве Ч. Айтматова, А. Айлисли, Анара, С. Ахмедова, И. Меликзаде, Ю. Самедоглу, М. Сулейманлы, Т. Пулатова, Т. Зульф리카рова например, восходит к древнетюркским представлениям о пространственном облике мироздания. Эти пространственные модели приобретают в текстах Ч. Айтматова вселенческие масштабы, угрожающие жизни на земле: "Небо обваливалось на голову, разверзаясь в клубах кипящего пламени и дыма... Человек, верблюд, собака - эти простейшие

существа, обезумев, бежали прочь. Объятые ужасом, они бежали вместе, страшась расстаться друг с другом, они бежали по степи, безжалостно высветляемые гигантскими огненными сполохами... Но как долго бы они не бежали, то был бег на месте, ибо каждый новый взрыв накрывал их с головой пожаром всеохватного света и сокрушающего грохота вокруг..." [1, с.293].

Поэтому, при изучении мифологизма художественного хронотопа, помимо литературных аспектов, необходимо учитывать и его историко-типологическую специфику и процесс адаптации к литературному контексту.

В устных эпических традициях и фольклорных прозапоэтических жанрах рассказчик отделяется от мира текста, и начинает осознавать вымышленность рассказываемых историй. Благодаря этому повествователь приобретает гибкость, определенную самостоятельность и динамичность. Описание внешнего мира в определенной степени конкретизируется, что проявляется в пространственной и временной локализации рассказчика. Таким образом, ясно осознается грань между реальным и волшебным, правдой и вымыслом, историческим и условным. В результате, повествователь приобретает статичную позицию, что позволяет фиксировать момент речевой деятельности, пересказа текст и придать художественному времени и пространству эпоса определенную коммуникативную стабильность. Принципы эпического повествования проявляются в современной литературе в использовании сказовых форм речи, обобщенных характеристик, синтаксических повторов и четкой локализации изложения вокруг сказителя. Эпическая цельность и обобщенность достигается также благодаря включению в повествование своеобразных стилистических формул, придающих тексту целостность и связность, создающих ощущение единства рассказываемых событий с условно-историческим прошлым и фантастической стариной.

В отличие от сказово-эпического повествования, в современных мифопоэтических произведениях хронотоп текста приобретает такие черты, как амбивалентность, бесконечность, незаполненность, знаковость. Однако эти особенности современной мифопоэтической прозы приспособляются к манере речи конкретных авторов, которые в первую очередь выражают свое частное отношение к рассказываемым событиям и поэтому происходит слияние двух потоков речи – индивидуально-авторской и обобщенно мифопоэтической.

Из пересечения этих двух повествовательных срезов и пространственно-временных моделей образуется целостный эпически-литературный образ отображаемой среды, которая охватывает индивидуально-авторский и обобщенно-мифопоэтический уровни повествования.

Хронотоп текста соответствует также жанровой структуре текста. В традиционной сказочной прозе художественное время замыкается на изображаемых сюжетных событиях и слабо связывается с историческим временем, пространство же

четко локализуется и дифференцируется. В эпических текстах события происходят в условно-реалистическом времени, которое часто можно отнести к определенным историческим эпохам и географической местности.

В фольклорных текстах специфична и внутренняя динамика хронотопа. В событийных повествовательных эпизодах движение времени ускоряется, а для устранения несоответствия между быстротечным художественным временем и реальным ходом времени используются соответствующие стилистические средства. В композиционно важных описательных фрагментах время замедляется, растягивается, что служит выравниванию реального времени-пространства и поэтического хронотопа.

Современные литературные трансформации мифопоэтической концепции времени-пространства определяются вкратце затронутыми особенностями мифопоэтического и эпического хронотопа, а также характером литературной ситуации и авторской индивидуальности.

Эти традиции становятся особенно актуальными в переходные периоды истории, к которым можно отнести и вторую половину XX века. В этот период мифопоэтический хронотоп превратился в семантический элемент текста, позволяющий осознать глубинную связь противоречивых общественных процессов современности с вечными нравственными категориями. В зависимости от этих факторов в пространственно-временной организации произведений появились следующие оригинальные качества, генетически связанные с устной традицией: временная инвариантность, ориентация на сакральное время, усиление моделирующей функции, цикличность и изоморфизм хронотопа внутреннему миру персонажа и т.д.

Временная инвариантность связана с введением в текст произведения гармоничного сакрального хронотопа, который противопоставляется хаотичной современной цивилизации. Так, для самопостижения человека, определения им своего места в запутанном, сложном современном мире Анар, Эльчин, С. Ахмедов, И. Меликзаде, М. Сулейманлы, В. Шукшин, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин сталкивают его с извечной естественной средой, где время почти не движется, сохранены традиционные ценности и идеалы.

Атмосфера этого мира, традиционной деревенской жизни, которую герой когда-то покинул, не подвержен разрушительному воздействию современной цивилизации, и герой на миг погружается в эту гармоничную среду, однако не находит успокоения, не переосмысливает свое бытие и вновь покидает мир своего детства.

С такой устойчивой средой деревенской жизни, с ее замкнутым и гармоничным хронотопом сталкиваются персонажи С.Ахмедова ("След на холме"), В. Шукшина ("Калина красная"), В. Распутина ("Последний срок"), что приводит к трагическому нравственному конфликту. Иррациональный конфликт между неустойчивым характером странного героя, чудака с статичной, сохранившей традиционные ценности,

гармоничный образ жизни средой вызывает у героев неадекватную реакцию и непредсказуемые и необъяснимые поступки. Однако поступки этих героев лишены цели и смысла, так как обуславливаются не глубоким самопознанием, а негативным отношением извечной среде. Не мотивированная агрессивность действий и обличительный пафос выступлений этих героев завершаются полным отчуждением странных персонажей от своих истоков и потерей нравственного стержня характера. Этот трагический конфликт со средой и с самим собой завершается гибелью Лачина ("След на холме") и Егора Прокудина ("Калина красная"), одиночеством Гуськова ("Живи и помни") и многих других персонажей писателей шестидесятников.

Включение в текст сакрального времени-пространства позволяет авторам соотнести семантику своего текста с вечными нравственно-философскими категориями. Композиционно это реализуется с помощью включения в текст знаковых, символических образов, использования архетипов, пересечения различных словесно-смысловых речевых линий, многослойность художественного времени и т.д.

Эти композиционно-смысловые уровни текста пересекаются в восприятии повествователя, речь которого характеризуют диалогизм и полифоничность. Эти качества определяют и структуру хронотопа, которая также многогранно. В романе Ю. Самедоглу "День казни" хронотоп текста состоит из трех уровней: мифологического, исторического и современного.

Эти уровни пересекаются ассоциативно, в воображении повествователя и структурно, через образ Пещеры Дедов из недр которого поднимается ураганный ветер, который, несется над миром как божеская кара и разрушает физическую картину географической среды. Однако, этот ветер позволяет решить основную мифологему произведения - смысловая оппозицию жизнь-смерть-возрождение. Уничтожив греховный мир, ветер дарует новую жизнь, возрождает к новому, богоугодному существованию. Придав динамике этих трех смысловых уровней виткообразность, автор намекает на то, что эти ураганы будут бушевать периодически, по мере нарастания людского зла и греха.

Своеобразна и структура хронотопа повести Анара «Белый баран, черный баран», где использована традиционная тема противопоставления добра и зла, жизни и смерти, благодетели и греха и проблема ответственности и нравственного выбора человека.

В целом, часто идея произведения в прозе рассматриваемого периода постигается на рубеже бытия и небытия, жизни и смерти. Смерть как абсолютный конец противопоставляется Ч. Айтматовым, В. Астафьевым, В. Распутиным, Ю. Самедоглу мотиву жизни, вечного существования через духовно-нравственное возрождение.

Концепция жизни – смерти – возрождения составляет тематическую основу романа Ю. Самедоглу "День казни". Сюжетная тема греха и расплаты. Эти мотивы выражаются автором на мифологическом, историческом и современном уровнях композиции текста. Единство темы, наличие Тема греха и расплаты как сквозной мотив

произведения развивается по трем вышеуказанным композиционным уровням произведения и вовлекает в свою орбиту современные темы и мотивы. Объединяет все эти композиционно-смысловые уровни мистический образ Пещеры Дедов, из недр которого в периоды безбожного нарушения нравственных заповедей, поднимается ураган, уничтожающий этот греховный мир и через это божеское наказание дарующий новую жизнь и новый мир.

Таким образом, в романе Ю. Самедоглу «День казни» мифо-логизированное авторское сознание писателя ориентировано на бесконечное время, т.е. бесконечно-возможное бытие мифологической картины мира совпадает с бесконечно-возможным бытием образа автора. Этим обусловлено обращение к архетипам, вечным образам и символам, к бесконечному пространственно-временному континууму.

Азербайджанские писатели часто обращаются и к общечеловеческим представлениям о времени и пространства. С этой точки зрения можно найти много параллелей между произведениями азербайджанских русскоязычных писателей М. Ибрагимбекова, Р. Ибрагимбекова, Н. Расульзаде и других с иносациональным "дальним контекстом". Этот аспект хронотопа проявляется в образе "дома на песке" из одноименного рассказа Р. Ибрагимбекова, который можно свести к мифологеме дом-песок из Евангелия от Матвея: "А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил свой дом на п е с к е; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на д о м тот; и он упал, и было падение его великое" [Мф. 7, с.25-27]. Таким образом, в рассказе Р. Ибрагимбекова «дальний контекст», библейский мотив «дома на песке» используются автором для художественного анализа современного урбанизированного общества, сообщества людей, которые оторвались от своих корней, оступились от божеских заповедей и обрекли себя на одиночество и неизбежное наказание. Это позволяет писателю ввести тематику и содержание образца «городской прозы» в общечеловеческий культурный контекст и этим придать семантике «семейно-бытового» текста универсальный философский смысл.

Таким образом, пространственно-временной континуум произведений шестидесятников, сочетающий в своей поэтической структуре мифологический, исторический, философский аспекты содержания текста и выполняющий моделирующую функцию, часто выступает как квазихронотоп, т.е. своеобразную инвариантную модель бытия, в контексте которой рассматриваются драматические социально-нравственные коллизии современности.

Так хронотоп произведениях Анара, С. Ахмедова, И. Меликзаде, Ю. Самедоглу, М. Сулейманлы, В. Распутина, В. Астаева, С. Залыгина и других пространственные образы, семантические оппозиции верх-низ, небо-земля, свет-мрак, далекое-близкое, с одной стороны, служат выражению таких мифопоэтических смысловых оппозиций, как

гармония-хаос, добро-зло, движение-застой, жизнь-смерть, с другой стороны, противопоставления различных этажей дома, частей двора, города, деревни, неба и земли и т.д. отражают социальное зло и добро, в целом драматические противоречия современной цивилизации. Художественной интерпретации локальных пространственных связей служат также соответствующие лексемы, пространственные падежи, местоимения и т.п.

Еще один аспект мифологизма пространственно-временной структуры прозы второй половины XX века – цикличность хронотопа, которая восходит к традиционным мифологическим и религиозным системам, в которых ход времени и движение в пространстве не воспринимаются в виде последовательного линейного движения. Все движется по предначертанному кругу и периодически повторяется. Такое восприятие истории и времени характерно как тюркским, так и славянским мифологическим представлениям, а также христианской, мусульманской философии.

Цикличная концепция времени является одним из основных особенностей художественного мировосприятия прозы шестидесятников (И. Муганна, Анар, Эльчин, М. Сулейманлы, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин). В "Круге" Анара, «Дне казни» Ю.Самедоглу, "Кочевье" и «Ахмед-ветрогон становится беком» М. Сулейманлы, "Привычном деле" Белова, "Царь-рыбе" Астафьева, "Береге" Распутина, история народа, жизнь человека изображаются в виде вечно повторяющегося цикличного круговорота времени.

Жизненная философия Иван Африканыча в "Привычном деле" В. Белова заключается в фаталистическом выражении «привычное дело», что освобождает его от личной ответственности перед семьей и обществом. Искаженное понимание библейских заповедей, народной мудрости является причиной боли и страданий, которые он причиняет родным. Поэтому героя не освобождает и формальное сходство его жизненной позиции с библейским пониманием повторяемости событий, истории, судеб: "Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем" (Екклесиаста, 1.9); "Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было" [Кн. Еккл. 3, 11, 15].

Цикличность времени и истории составляет тематическую и композиционную основу и романа М.Сулейманлы "Кочевье" и рассказа автора "Ахмед - ветрогон становится беком". В романе писателя судьба народа изображается в виде многовекового кочевья, поиска правды и справедливости. Народ циклично кочует, обновляется и возвращается в свой замкнутый микромир - на родину, а затем вновь покидает ее. Обретение же покоя в родном пространстве оборачивается застоєм и моральной деградацией, губительной враждой между двумя кланами народа. В рассказе М. Сулейманлы "Ахмед-ветрогон становится беком" каждый год весной начинаются внешне бесцельные похождения героя рассказа Ахмеда-ветрогона, которые по сути

имеют жизнеутверждающий характер, обновляют не только его самого, но и окружающих.

Таким образом, моделирующая функция хронотопа позволяет автору рассмотреть прошлое, настоящее и будущее как звенья единого исторического целого и воспринимать мир более целостно и персонализированно.

В литературе рассматриваемого периода одним из аспектов персонализации поэтики произведений является изоморфность хронотопа внутреннему миру человека. Во многих произведениях писателей эпохи структура и тональность пространства, динамика времени соответствует характеру и психологии, социальному статусу и внутреннему миру героев.

В произведениях Анара ("Контакт", "Круг", "Цейтнот"), Ю.Трифонова ("Время и место", "Старик"), В.Маканина ("Предтеча", "Ключарев и Алимускин"), А.Кима ("Лотос", "Нефритовый пояс") пространство и время являются одним из важнейших элементов поэтики, структурируют текст, а также создают атмосферу, эмоциональный настрой произведения. В целом движение времени, характер пространства соответствует мироощущению героя, современного человека.

Мировосприятие героев Анара, представителей урбанистического мира, происходит мимолетно, в ограниченное время, в запланированных, но никогда не удававшихся "встречах с самим собой". Время и пространство сами по себе становятся самостоятельными образами, символами эпохи глобальной стандартизации, тоталитаризма, скорости, аритмичного, хаотичного бытия, своеобразной фантазмагорией, не поддающейся логической трактовке. Так происходит в "Контакте" Анара, "Лотосе" и «Белке» А.Кима, "Предтече" В.Маканина, в которых фантазмагии, пространственные и временные метаморфозы определяются мироощущением экзистенциального героя, "маленького" человека, отчужденного от реальной среды и от самого себя.

В прозе Ю.Трифонова отчий дом теряет свой первичный смысл, присутствует лишь в детских воспоминаниях героев, которые противопоставляются "опрокинутому дому", "вывернутому наизнанку хронотопу" и бездомности урбанистического общества (Топоров). Для героев Ю.Трифонова, которые не принимают одинокую жизнь, жизнь в одиночку, без семьи, бездомность является "полным крах", "последней чертой". Отчий дом же связан с образами родных, близких людей, которые воплощают такие традиционные ценности, как любовь к близкому, к родному очагу и в целом к родине: "...человек должен любить. И быть любимым. Все остальное не имеет смысла" [8, с.502].

Таким образом, основными типами мифо-фольклоризма хронотопа в азербайджанской и русской прозе второй половины XX века являются временная инвариантность; ориентация на бесконечное время; усиление моделирующей функции хронотопа; цикличная концепция времени; изоморфизм хронотопа внутреннему миру

персонажа, которые обогащают произведения универсальными и общечеловеческими смыслами, национально-этническими ценностями и колоритом.

Литература

1. Айтматов Ч. Буранный полустанок, М., 1981, с.293.
2. Гаджиев А.А., Талант добрый и светлый..., Айлисли А., Повести и рассказы, Б., 1985, с.4.
3. Гейбуллаева Р.М., Динамическое и устойчивое в сюжете художественного произведения, Б., 1993.
4. Гусейнов А., Тенденции развития современной азербайджанской прозы (1960-1980 гг.), Б., 1985.
5. Иманов М., Психологизм в современной азербайджанской прозе, Б., 1991.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология, М., 1985, с.186.
7. Распутин В., Повести, М., 1976, с.370.
8. Трифонов Ю. Время и место, Собр. соч. В 4-х т, М.: 1985-1987, Т.4, с.502.
9. Наджиева Ф., История в русской и азербайджанской советской прозе 70-80-х годов, Баку, 1981.